

Фразеологизмы и соотношение в них денотативных и образных составляющих

© *Е.В. Бизунова, 2005*

Ознакомление с анализом текстов художественной прозы предполагает рассмотрение семантического развертывания английских и русских фразеологизмов в плане решения, по крайней мере, двух основных задач. Во-первых, необходима точная идентификация фразеологических единиц, их места и семантических особенностей, а также той роли, которую они выполняют в формировании смысловой цельности высказывания. Во-вторых, важно на основе решения предыдущих задач умение строить собственный перевод текста с английского на русский и наоборот, используя при этом образные языковые средства.

Кроме того, очень важной представляется возможность соединения семантического развертывания фразеологизмов с построением собственного текста на английском и русском языках как двух самостоятельных лингвометодических проблем. Построение текста может, помимо этого, основываться и на других языковых феноменах. Вопросы сочетаемости и стиля, выбора синтаксических конструкций, тема-рематических отношений связанных друг с другом (когезия текста) и относительно самостоятельных текстовых отрывков (структурно-семантические единства) – это далеко не полный перечень моментов, которые необходимо принимать во внимание в процессе создания нового или воспроизведения готового языкового материала.

Непринужденность в воспроизведении и создании текстов основывается на следующих условиях:

- знание и умение пользоваться лексикой и основами грамматики с акцентом на синтагматические отношения элементов высказывания, а именно: на сочетаемостные особенности языковых единиц;
- наиболее полное представление о внеязыковой (и языковой) ситуации, подлежащей описанию;
- соединение мыслительных усилий с усилиями речемыслительными, т. е. в частности умение в процессе речения подчинить второстепенное главному, отграничить важные на данный момент физические и другие особенности описываемых событий, объектов и явлений от остальных, но менее важных, по сути нерелевантных для анализируемой ситуации, синтезировать ассоциации как ингредиенты речемыслительного акта с логической стороной мыслительных процессов.

Последнее условие может во многом быть основано на процессе разной полноты семантического развертывания аспектов и элементов значения образных языковых оборотов, за которыми могут реализоваться не только признаки и характерные особенности описываемых объектов и явлений, но и может быть подготовлена благоприятная почва для создания таких отрезков текста, где есть повтор и синонимия, контраст, эллиптические и инвертированные конструкции. Все это в целом благоприятствует определенным условиям для предельно полного и, так сказать, «предвзятого» описания, предполагающего соответствующее отношение к конкретной неязыковой ситуации [Бершадская, 1972: 33-35].

Использование лексических средств, уточняющих, конкретизирующих и дополняющих семантику фразеологизмов в различных типах фразеологического контекста, совершенствуется, таким образом, навыки и умения приводить целый ряд доводов и логически последовательно их аргументировать. В данном случае речь может идти о развитии определенной темы, конкретного логического направления в повествовании, что представляется очень важным в плане конкретизации и уточнения мысли, заложенной во фразеологической части высказывания. Причем конкретизация и уточнение могут обуславливаться семантическим развертыванием единиц по линии синонимической и гиперо-гипонимической корреляции, основанной на включении единиц в один тематический ряд. Построение текстового единства основано при этом на корреляции значения фразеологизма и его лексического окружения. Представляется также важной и семантическая природа элементов, формулирующих собственно лексическое окружение фразеологизмов, иными словами, важны и контекстно-смысловые отношения самих лексик, уточняющих и конкретизирующих семантическое содержание фразеологических единиц.

Построение самостоятельных структурно-семантических единств основывается в этом случае не столько на конкретизации определенных языковых единиц, сколько на взаимодействии контекстов неполного раскрытия семантики элементов высказывания, на корреляции логически или ассоциативно связанных текстовых отрывков, формирующих семантически релевантные компоненты более объективного смыслового содержания. Техника построения такого текстового отрывка основывается на высказываниях, содержащих, помимо актуализации значения, имплицитные и имплицитные элементы текста.

Современный этап развития языкознания характеризуется интенсивной разработкой проблем коммуникативной лингвистики. Поскольку единицей языковой коммуникации является текст, то особое внимание уделяется его формальным и содержательным характеристикам, что предполагает изучение конституэнтов текста, в частности, ус-

тойчивых сверхсловных комплексов – фразеологических единиц (далее ФЕ)

ФЕ являются автономными лингвистическими сущностями, обладающими самостоятельными как структурными, так и семантическими особенностями. При их текстовой реализации выявляется двусторонняя зависимость эквивалентности текстов и входящих в них ФЕ, в то время как зависимость эквивалентности текста в отношении слова как элемента текста – односторонняя.

С точки зрения теории необходимо, с одной стороны, изучить онтологическую сущность фразеологического значения и выявить то общее, что приводит к формированию устойчивых сверхсловных образований в языке вообще, с другой стороны, необходимо выявить те особенности фразеологического значения, которые относятся к специфике языкового выражения данной системы.

Особый интерес в этом плане представляет изучение соотносимых ФЕ, т. е. единиц, которые совпадают по референтной соотнесенности.

Значение ФЕ понимается как самостоятельная семантическая сущность, являющаяся элементом языковой системы наряду со значениями слов. Значение переменного прототипа (в тех случаях, когда оно есть) отражается в таких понятиях, как образность, мотивированность ФЕ и т. д., однако оно выводится за пределы фразеологического значения. Значительно больше внимания уделяется референтной отнесенности, формирующей предметно-логическое содержание ФЕ, чем ее образному и ассоциативному фону. Интерес вызывает та роль, которую играют образ, мотивировка, переосмысление в становлении фразеологического значения, а не функция самой ФЕ в результирующем фразеологическом значении. Значение субстрата фразеологической единицы очень важно в плане функциональных особенностей ФЕ и ее текстообразующих потенций. Без установления и анализа текстообразующих потенций ФЕ, по-видимому, невозможно полное уяснение их онтологических характеристик. Подобное изучение особенно плодотворно на материале эквивалентных межъязыковых соответствий, когда может быть рассмотрена и сопоставлена текстовая значимость ФЕ, имеющих тождественное (или почти тождественное) фразеологическое значение, но несколько различные текстообразующие потенции, вследствие того, что они являются элементами разных языковых систем и опираются на разные субстраты.

Теория перевода отражает необходимость учета и системно-семантических, и текстообразующих особенностей языковых единиц, что проявляется в разграничении эквивалентности (системной соотнесенности) и адекватности.

В свою очередь, сопоставление на уровне текста предполагает предварительное сопоставление ФЕ как элементов системы.

Полная фразеологическая эквивалентность может быть установлена у пар ФЕ английского и русского языков, если эти пары имеют одинаковую отнесенность по переосмыслению, коннотативной значимости, а также по отнесенности к одному и тому же стилю.

Важнейшим параметром, препятствующим установлению полной фразеологической эквивалентности является несовпадение образов, лежащих в основе фразеологического значения ФЕ разных языков.

Структурные расхождения обусловлены в подавляющем большинстве случаев различиями в грамматическом устройстве систем английского и русского языков.

Неполное тождество семантических отношений между членами пар ФЕ фиксируется в тех случаях, когда наблюдается несовпадение хотя бы по одному параметру семантической структуры ФЕ.

Исследование ФЕ по их структурно-семантической соотношенности показывает, что смысловая тождественность и функциональная эквивалентность должны рассматриваться отдельно, поскольку эквивалентные по смысловому содержанию ФЕ могут значительно различаться в функциональном плане. Поэтому рассматривать парадигматическую и текстовую эквивалентность следует как взаимосвязанные и взаимозависимые, но не тождественные явления.

Факторами, определяющими связь типов соотношенности ФЕ двух языков с типами соотношенности фразеологических текстов, в которые они входят, являются автономность ФЕ как значимой единицы языка и вытекающая из этого ее значимость как части целого, а также предикативная сущность ФЕ, несомненно влияющая на эквивалентность тех текстов, в которые они входят.

Речевой акт порождения фразеологического текста протекает параллельно с выбором самой ФЕ в соответствии с замыслом высказывания. Следовательно, процесс текстообразования по своей изначальной сущности является смысловым. Отсюда основой текстообразующих свойств ФЕ следует признать в первую очередь все аспекты семантического параметра.

Однако в процессе порождения фразеологического текста после того, как совершен акт смыслового выбора конкретной ФЕ наступает, очевидно, следующий не менее важный акт – формального «пристраивания» выбранной по смыслу ФЕ в порождаемую речь – текст. И в этом акте решающую роль играют уже не семантические, а структурные качества ФЕ, более точно – аспект структурных типов ФЕ.

Сущность структурных типов ФЕ заключена в заложенной в них мере или степени предикативной пригодности. Непредикативность одновершинных ФЕ и фраз, частичная предикативность и предикативность ФЕ являются теми факторами, которые прямо и непосредственно влия-

ют на строй, т. е. на синтаксис порождаемого текста и, прежде всего, на его минимальную по объему форму – предложение.

Рассматривая вопрос о предикативных началах ФЕ, влияющих на текстообразование, можно сослаться на тех лингвистов, которые признают именно предикативность ведущим признаком и качеством текста любой величины. По мнению И. Бородянского, текстом можно назвать «предложение или группу из двух и более предложений, в которой есть свой текстовый субъект и текстовый предикат, составляющие вместе текстовое суждение» [Бородянский, 1971: 41-58].

В концепции контекстной семантики Л.Н. Лапытова подчеркивается, что предикативность способствует «объединению многих элементарных смыслов, а следовательно, и многих высказываний, превращая это множество в коммуникативную единицу» [Лапытов, 1989: 25].

Категорична и дефиниция текста, предложенная Е.В. Верещагиным и В.Г. Костомаровым: «текст можно определить как предикативное высказывание» [Верещагин, Костомаров, 1999: 74-88].

Таким образом, несомненная важность предикативной сущности ФЕ позволяет принять и это ее качество за одно из ведущих текстообразующих свойств ФЕ.

Однако влияние предикативности ФЕ на построение текста-высказывания есть влияние на синтаксис последнего. И это определяется не только семантической и структурно-предикативной сущностями ФЕ, но и ее функциональной природой. Она, в свою очередь, определяется такими функциональными свойствами ФЕ, как ее речевая и грамматическая функции. Названные функции взаимосвязаны: речевая функция, т. е. отнесение ФЕ к номинативным (субстантивным, глагольным и т. д.), междометным, модальным и коммуникативным фразеологизмам, влияет на их грамматическую функцию – стать тем или иным членом предложения или целым предложением. Однако очень часто наблюдается и обратная связь – грамматическая функция ФЕ уточняет ее речевую функцию.

Итак, текстообразующие функции ФЕ заложены в ее семантике и структуре, но их реализация (актуализация) происходит в зависимости от структурно-предикативного типа ФЕ и ее функциональных характеристик.

Под эквивалентностью ФЕ двух языков понимается их структурно-семантическая соотнесенность. Пары ФЕ типизируются в следующем порядке: полная фразеологическая эквивалентность, частичная структурная эквивалентность и частичная семантическая эквивалентность [Верещагин, Костомаров, 1999: 74-88].

Текстообразующие функции ФЕ позволяют подойти с этих же позиций и к эквивалентности текстов. Иначе говоря, в оценке текстовых

бинаров, составленных из текстов оригиналов на английском языке и их переводов на русский язык, можно исходить из так называемой «презумпции эквивалентности», т. е. сразу и безоговорочно принять, что текстовой бинар состоит из эквивалентных текстов. При изучении текстов с фразеологических позиций полезно также опираться на понятия «фразеологическая конфигурация», «фразеологический контекст», «актуализатор ФЕ», «три вида фразеологического контекста» [Кунин, 1984: 11-19].

Анализ и сопоставление пар соотносимых фразеологических конфигураций показывает, однако, что их соотношенность, их «презумпция эквивалентности» далеко не однородна. Приведем примеры разных соотношений бинарных фразеологических текстов.

1. Тожественные отношения имеют следующие бинарные тексты:

a) *If you want her to like you, just talk about animals. That's her Achille's heel.*

Если вы хотите ей понравиться, поговорите с ней о животных. Это ее Ахиллесова пята¹.

б) *Hold you tongue. You've said enough already.*

Попридержи язык. Ты и так уже достаточно сказал.

2. Различными отношениями обладают тексты:

в) *"Whom have you got in mind for this committee?" asked the Squire abruptly.*

"My father", said Michael, "and we'd thought of Marquers Shropshire".

"Very long in the tooth".

"But very spry", said Sir Lawrence. (J. Galsworthy, "Swan Song". part II, ch. VI.)

– Кого вы имеете в виду для комитета?

– Моего отца, – сказал Майкл. – Думаю еще о Маркизе Шропшире.

– Да из него песок сыплется.

– Нет, он еще молодцом, – сказал сэр Лоуренс.

Разъясним, что разная эквивалентность смысла текстов в приведенных примерах определена либо полной эквивалентностью ФЕ (пример a), либо их частичной структурной эквивалентностью (пример б), либо их частичной семантической эквивалентностью (примеры в).

Таким образом, некоторая градуированность или разные степени эквивалентности фразеологических текстов налицо.

Замеченное явление совпадает с мыслью об эквивалентности, высказанной в свое время Л.С. Бархударовым: «Правильнее будет говорить о разной степени эквивалентности перевода, о большем и меньшем

¹ Русские эквиваленты приводятся по опубликованным переводам.

его приближении к полностью эквивалентному». Позже, касаясь типов межязыковой эквивалентности, Л.С. Бархударов предложил различать «полную эквивалентность и частичную эквивалентность» [Бархударов, 1985: 69].

Следовательно, возвращаясь к вопросу о том, как соотносятся бинарные фразеологические тексты, какова степень их эквивалентности, необходимо рассмотреть, как соотносятся тексты по их функциональному параметру.

Первый аспект параметра – грамматическая функция ФЕ в тексте – трактуется как функция ФЕ в предложении, если не считать такого случая, когда ФЕ целиком соответствует предложению, т. е. выполняет самостоятельную функцию в составе текста.

Например:

1. ... *all she had built up, all she had earned by the shrewd work of her mind and body, was hanging by a hair.* (S. Heym, "The Crusaders", book VI, ch. 8.)

... все, что она для себя создала, ради чего трудилась, не шадя никаких усилий, повисло на волоске.

2. *When he'd get started on art subjects Laura would just hang on his lips* (F. Norris, "The Pit", ch. V.)

Когда он начинал говорить об искусстве, Лаура буквально впитывала каждое слово.

Подобные случаи классифицируются как отношения тождества в реализации. Такие же отношения зафиксированы в случаях, когда ФЕ обоих языков выступают в функции сказуемого, дополнения, обстоятельства, определения и т. д. Так, в нижеследующем примере:

He's been pretty high on whisky for two or three days ... and they say he's got snakes in his boots now. (J. Habberton, "The Barton Experiment"².)

Вот уже 2 или 3 дня как от Уайнберга несет виски... говорят он допил-ся до белой горячки. –

обе ФЕ выступают в функции сказуемого.

3. *I have no connection with the company, farther than giving them, for a certain fee and reward, my poor opinion as a medical man...* (Ch. Dickens, "Martin Chuzzlewit", ch. XXVIII.)

Я не имею никакого отношения к компании, кроме того, что даю им – за известный гонорар – свое скромное заключение в качестве медицинского консультанта...

Обе ФЕ выступают в функции дополнения.

4. *They broke open private houses... in the face of day.* (OED)

Они врывались в жилища частных граждан ... среди бела дня.

² Пример взят из: Oxford English Dictionary. 3^d ed. Oxford, 1995. Далее – OED.

Обе ФЕ – в функции обстоятельства.

5. *He was a gambler born and bred.* (АРФС³)
Он был игроком до мозга костей.

Обе ФЕ – в функции определения.

Отношения различия наблюдаются больше в случаях функционирования ФЕ в качестве сказуемого, причем ФЕ в английском языке чаще выступает в роли сказуемого, чем русская ФЕ.

1. *The Cranstons and the Finchleys were in the main a thorn in the flesh of the remainders of the elite of Lycurgus – too showy and too aggressive.* (Th. Dreiser, "An American Tragedy", book II. ch. I.)

Снобизм и высокомерие Крэнстонов и Финчли сделали их бельмом на глазу у избранной части ликургского светского общества.

В данном примере ФЕ английского языка – сказуемое, ФЕ русского – дополнение.

2. *"I don't care whether he ever gets there", she said. "It won't be skin off my nose".* (P. Warren, "All the King's Men".)

– Мне все равно, придет он на митинг или нет, – ответила Сэди. – Плевать мне с высокой горы.

В этом случае также наблюдается различие в функциях ФЕ: английская ФЕ – сказуемое, русская ФЕ – предложение.

3. *He came on the fruits... They made Michael's mouth water* (J. Galsworthy, "The White Monkey", part II, ch. III.)

Майкл проходил мимо фруктов... У него потекли слюнки.

В данном примере ФЕ английского языка является дополнением, а русская ФЕ – сказуемым и подлежащим.

Сопоставление ФЕ английского и русского языков по грамматическому аспекту функционального параметра показывает преобладание тождественных отношений над различиями между парами ФЕ. Прежде чем перейти ко второму аспекту функционального параметра, отметим, что под речевыми функциями понимается то, что одни фразеологи называют структурно-семантическими классами, другие относят к структурно-грамматическим. Мы присоединяемся к точке зрения Л.С. Бархударова, который соотносит указанные классы с выполняемой ими речевой функцией [Бархударов, 1985: 69].

И в этом случае можно говорить о структурной эквивалентности текстов по аналогии с типами эквивалентности самих ФЕ.

³ Англо-русский фразеологический словарь. / Под ред. А.В. Кунина. М., 1955.

Преимущественно тождественные отношения, отмеченные в текстовых бинарах по обеим функциям (аспектам) – и речевой и грамматической, определены в первую очередь такой текстообразующей функцией входящей в текст ФЕ, которая сопряжена с ее формальной, т. е. структурной, ролью в тексте.

Что касается влияния семантического типа эквивалентности ФЕ на тип эквивалентности текстов, т. е. основания отметить более широкий диапазон влияния соотнесенных ФЕ на эквивалентность, т. е. соотнесенность, текстов. С одной стороны, семантическая эквивалентность как тождество, например, образов ФЕ не всегда связана с полной эквивалентностью текстов, ибо определяющим фактором остается структурная эквивалентность ФЕ. С другой стороны, именно семантические различия ФЕ двух языков (в том числе по образу) очень часто способствуют такому переводческому приему, который Н.К. Гарбовский называет «компенсацией» и который целенаправлен к такой эквивалентности текстов, которая является их адекватностью [Гарбовский, 1982: 92].

Итак, текстообразующие функции ФЕ влияют на эквивалентность текстов, которые могут быть как полностью эквивалентные (если пара ФЕ обладает полной фразеологической эквивалентностью), так и частично эквивалентные (если наблюдается структурная эквивалентность обеих ФЕ).

Грамматическая функция ФЕ в тексте играет свою роль и в формировании текстовой адекватности, но эта роль не определяющая, поскольку адекватность может обеспечиваться и другими грамматическими средствами.

Поскольку актуализация ФЕ в тексте характеризует иной тип соотнесенности ФЕ, которую можно назвать текстовой соотнесенностью, иначе говоря, адекватность ФЕ обязательно подразумевает текст, в котором они «участвуют» и который они формируют, то можно рассматривать адекватность как более широкое понятие, чем эквивалентность. По мнению В.Н. Комисарова, адекватный перевод является всегда эквивалентным, но эквивалентный перевод – не всегда адекватным [Комисаров, 1988: 39]. Подтверждает это мнение и суждение Н.Л. Галеевой: эквивалентность – это сохранение плана содержания, а адекватность – еще и плана выражения [Галеева, 1997: 51].

Приведенные мнения также соответствуют тому, что пишет Н.К. Гарбовский: адекватность есть полноценность, означающая «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему». Другими словами, адекватность – это передача «соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней» [Гарбовский, 1982: 92].

Из рассмотрения адекватности следует обоснованность правомерно-го выделения адекватного типа соответствий между фразеологическими текстами на двух языках.

Что касается двух типов соответствий, т. е. полной фразеологической эквивалентности, то оба эти типа правомерны для бинарных фразеологических текстов лишь при условии, что частичная эквивалентность понимается как структурная, но не семантическая эквивалентность текстов. Сказанное не означает, однако, отсутствия семантической эквивалентности текстов с ФЕ, ибо смысловое, содержательное соответствие обоих текстов бинара есть условие, заданное заранее и соответствующее понятию «презумпция эквивалентности».

Напомним, что при типизации эквивалентности ФЕ английского и русского языков все три случая, рассмотренные в вышеизложенных примерах, были выделены на основе анализа семантических и структурных параметров, по которым исследовались пары ФЕ двух языков. Однако коррекция намеченных трех типов данными исследования ФЕ по функциональному параметру указывает лишь на 2 типа соотносительности текстов двух языков: полную эквивалентность и частичную структурную эквивалентность. Иначе говоря, частичную эквивалентность не удалось дифференцировать на структурную и семантическую.

Тем не менее, располагая предположением о трех типах соотносительности фразеологических текстов на двух языках, мы считаем возможным окончательно типизировать соотносительность текстов двух языков как три случая: 1) фразеологическая адекватность; 2) фразеологическая полная эквивалентность и 3) фразеологическая частичная эквивалентность.

Напомним кратко, что первый тип эквивалентности текстов базируется на полной фразеологической эквивалентности, т. е. текст содержит эквивалентные в семантическом и структурном аспектах ФЕ двух языков. Второй тип эквивалентности текстов сопряжен лишь с частичной эквивалентностью обеих ФЕ. Сущность этой роли ФЕ такова, что позволяет выдвинуть следующее предположение: эквивалентность текстов зиждется на очень близких текстообразующих потенциях ФЕ.

Но поскольку степень близости этих потенций у двух соотносительных ФЕ может быть различной, а все исследованные бинарные тексты характеризуются «презумпцией эквивалентности», возникает вопрос о том, какими средствами обеспечивается адекватность текстов бинара, если в них содержится частично эквивалентные ФЕ, а также в тех случаях, когда ФЕ английского языка соотносится с нефразеологической единицей (словом, словосочетанием) русского языка.

Говоря о средствах достижения адекватности текстов, мы имеем в виду прежде всего текстообразующие свойства самих ФЕ. Однако, имея

дело с текстами-переводами, интересно рассмотреть и те средства, которые используются при переводе и обычно называются «приемами перевода» или «переводческими трансформациями». Достаточно подробно номенклатура приемов перевода описана, в частности, Л.Н. Галеевой, в том числе и в отношении перевода ФЕ. Это дает основание ориентироваться на положения автора в проводимом ниже анализе текстовых бинаров.

2. Другой текстовой бинар:

When I arrived home, I found mother going up the wall. The fire was out, the baby was crying. Johnny had cut his knee and our visitors were due to arrive at any minute. (W. Scott, "The Heart of Mid-Lothian", ch. XXXIV.)

Когда я вернулся домой, то увидел, что мать просто потеряла голову. Огонь потух, младенец орал благим матом, Джонни порезал коленку, а наши гости могли появиться с минуты на минуту.

В этом случае адекватность обеспечивается лишь частичной (семантической) эквивалентностью ФЕ путем хотя и фразеологического соответствия, но при этом – с трансформацией образа английской ФЕ. Использован и прием компенсации: передаче высоко-экспрессивной английской ФЕ (*go up the wall*) менее экспрессивной русской ФЕ (*терять голову*) сопутствуют приемы расширения и логического развития, т. к. в русском тексте *was crying* передано просторечным словом *орал* с добавлением также просторечной адвербиальной ФЕ (*благим матом*).

Адекватности этих текстов во многом способствует сохранение в русском тексте последовательности действий, перечисляемых в тексте на английском языке.

Частичная эквивалентность текстообразующих ФЕ не мешает адекватности текстов, если в текстовой реализации ФЕ учитывается такой важнейший фактор их семантики, как образность.

"But though he had always had to watch his step in the union," Jennison told Eddie, "that here in the hotel he did and said just what he liked". (A. Saxton, "The Great Midland", part II.)

– Но если в союзе ему приходилось держаться остро, – сказал Дженни-сон Эдди, – то у себя в ночлежном доме он может говорить и делать, что хочет.

Адекватность этих микротекстов достигается благодаря частичной (структурной) эквивалентности, выражающейся в совпадении речевой и грамматической функции ФЕ в английском тексте: *to watch one's step* и *держаться остро* одинаково относятся к глагольным ФЕ и выступают в качестве предикативной части сказуемого, модального по своему характеру. Такая структурная эквивалентность ФЕ восполняет малую степень семантической эквивалентности соотнесенных ФЕ. Они, во-

первых, различны по своей переосмысленности (и мотивированности): целостным переосмыслением характеризуется русская ФЕ, а английская – лишь частичным. Во-вторых, переосмысление ФЕ базируется на разных образах. Отсюда понятен такой прием перевода, как полная замена образности. Но важно то, что этот прием есть не обычная переводческая трансформация, а средство, лежащее в самой природе ФЕ – ее образности. Следовательно, еще раз подтверждается существенное влияние ФЕ на формирование текста.

Таким образом, из трех проанализированных примеров текстовых бинаров следует, что адекватность текстов сопряжена либо с полной эквивалентностью обеих ФЕ, либо с их частичной эквивалентностью – как семантической, так и структурной.

Отсутствие полной эквивалентности ФЕ восполняется целым рядом других средств перевода английских текстов на русский язык. При частичной семантической эквивалентности ФЕ адекватность текстов достигается различными структурно-грамматическими приемами перевода, а при частичной структурной эквивалентности ФЕ адекватность текстов обеспечивается отдельными семантико-лексическими трансформациями, но в целом можно говорить, что во многих случаях адекватность текстов базируется на эквивалентности входящих в них ФЕ.

Однако, как мы ранее отмечали, адекватность текстов может достигаться не только при помощи самих ФЕ, но и другими средствами. Другими словами, русский перевод английского текста с ФЕ может вообще не содержать ФЕ, т. е. фразеологического эквивалента. В этом случае адекватность текста скоррелирована с фразеологической неэквивалентностью. Приведем примеры таких текстов.

1. *And the railroads... were asked for the surplus due to the Government. And at once, of course, the poor poverty-sticken railroads began to make a poor mouth, to cry “confiscation”...* (Th. Dreiser, “Tragic America”, ch. VI.)

Правительство обязало железные дороги уплатить причитавшиеся ему суммы. И, конечно, сразу впавшие в бедность железные дороги начали прибедняться и кричать о «конфискации»...

2. *No capitalist has a finger in our pie and we are not for sale to Oldharm or any other monopoly concern.* (“Daily Worker”, L., Oct. 23, 1948.)

Ни один капиталист не принимает участия в нашей газете, и нас не купить ни Одхаму, ни кому-либо другому капиталистическому концерну.

3. *... I'm not wax – I'm flesh and blood.* (J. Galsworthy, “The Fugitive”, act II.)

... Я не восковая кукла. Я живой человек.

Приведенные пары текстов несомненно адекватны, но их адекватность не является фразеологической, поскольку в русских переводах отсутствуют ФЕ. Видимо, в соответствии с принятым пониманием адекватности как соответствия не только содержания, но и формы – фразеологической в нашем случае – эти тексты можно назвать более точно: «полностью эквивалентные» или «в целом адекватные». Как следует из примеров, названное качество текстов достигается двумя важнейшими и сложными приемами перевода – целостного преобразования и компенсации. Потребность этих сложных и взаимосвязанных приемов перевода вызвана именно тем, что английские ФЕ переданы нефразеологическими средствами русского языка.

Эти средства, не являясь раздельнооформленными единицами языка, близки, тем не менее, к фразеологизмам. Использование таких «потенциально фразеологических» слов вместо подлинных ФЕ есть, по мнению И.Э. Клюканова, семантическая компенсация, обеспечивающая равноценный перевод [Клюканов, 1989: 49].

Сказанное выше и проанализированные примеры позволяют заключить, что фразеологическая адекватность текстов есть особый тип их формально-содержательной соотношенности. Отношение адекватности между текстами во многом зависит от эквивалентности (полной или частично-структурной) входящих в них ФЕ, но отмеченная зависимость не исключает и такой адекватности двух текстов, которой сопутствуют фразеологически неэквивалентные отношения между английской ФЕ и русской нефразеологической единицей и при которой используется целый ряд языковых средств, компенсирующих отсутствие ФЕ в русском переводе. Если выявление полной или частичной эквивалентности двух ФЕ возможно при их сопоставлении, изолированном от текста, то выявление адекватности обязательно сопутствует нахождению ФЕ в контексте, а иногда – отсутствию ФЕ в русском переводе. Таким образом, существует несомненная связь между эквивалентностью ФЕ двух языков и тех текстов, в которых содержатся эти ФЕ.

Изучение текстов, в которых реализуются ФЕ, входящие в исследуемые бинары, показывает, что эквивалентность ФЕ, рассмотренная с функциональной точки зрения, носит значительно более ограниченный характер, чем может показаться при исследовании ФЕ в парадигматическом плане. Близкие по значению ФЕ разных языков характеризуются различными текстообразующими потенциями.

Определяющим фактором в формировании текстообразующих потенций ФЕ является образная основа, которая оказывает существенное влияние на формирование коррелятивных отношений ФЕ с другими элементами текста и обуславливает контекстное развертывание семантики ФЕ.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2005. — Вып. 29. — 160 с. ISBN 5-317-01330-5

Л и т е р а т у р а

1. *Бархударов Л. С.* Особенности актуализации семантики фразеологических единиц контексте. М., 1985. С. 69.
2. *Бершадская Ф.* Формы употребления фразеологической единицы речи. Л., 1972. С. 33-35.
3. *Бородянский И.* Перевод фразеологических единиц и их контекст. Киев, 1971. С. 41-58.
4. *Верецагин Е. В., Костомаров В. Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М., 1999. С. 74-88.
5. *Галева Н. Л.* Основы деятельностной теории перевода. Тверь, 1997. С. 51.
6. *Гарбовский Н. К.* Перевод как лингвистическая проблема. М., 1982. С. 92.
7. *Клюканов И. Э.* Психолингвистические проблемы перевода. Тверь, 1989. С. 49.
8. *Комиссаров В. Н.* Основные модели перевода. М., 1988. С. 39.
9. *Кунин А. В.* Классификация фразеологизмов. М., 1984. С. 11-19.
10. *Лапытов Л. Н.* Лингвострановедческий аспект переводов фразеологических единиц. Л., 1989. С. 25.